

Война на Юге

Оставив золотоордынское Поволжье наместникам, Урус-хан возвращается в свои основные кочевья – Улытау и присырдаринский регион. Причиной столь поспешного возвращения Урус-хана в свой основной домен, как отмечалось выше, стала месть и/или властные амбиции мангышлакского царевича Токтамыша, сына казненного Урус-ханом Туй-ходжа-оглана. Беспокойство ак-ордынского правителя вызвал, конечно же, не сам Токтамыш, а претензии, стоявшего за его спиной, барласского Амира Тимура, на Восточный Дашт-и Кыпчак, его стремление посадить в Ак-Орде своего ставленника.

До этого времени дороги двух великих современников не пересекались. Каждый был занят своим делом. Однако стремление правителя Мавераннахра к гегемонии в регионе рано или поздно должно было столкнуться с интересами Урус-хана.

Как отмечал М.Г. Сафаргалиев, позиция Урус-хана в отношении Тимура и его захватнической военной деятельности не совсем ясна. Сопоставив некоторые данные, исследователь заключил: «Факты свидетельствуют о враждебном настроении хана Синей Орды (т.е. Уруса. – *К.У.*) к Тимуру» [Сафаргалиев 1960, с. 138].

Позиция Урус-хана в отношении военных действий Тимура частично раскрывается в событиях, связанных с восстанием тюркских родов кыпчаков и жалаирав. Во главе восстания встали Сары-Буга и Адил-шах [Manz 2002, p. 62].

Автор первой официальной истории Тимура Низам ад-дин Шами, объясняя причины восстания Адил-шаха и Сары-Буги «дурр-ной сущностью» этих эмиров, сообщил следующее: «Когда Адил-шах (посланный вместе с Сары-Бугой, Хитай-бахадуром и Илчи-Бугай во главе 30-ти тысячного войска против дуглатского эмира Камар ад-дина. – *К.У.*) обнаружил, что в области никого нет (Тимур в это время был в походе на Хорезм. – *К.У.*), он схватил Хитай-бахадура и Илчи-Бугу, столкнулся (зд.: сговорился. – *К.У.*) с Сары-Бугой, и они восстали» [Шами 1973, с. 104]. Написанный несколько позже труд Шараф ад-дина Али Йазди (закончен в 1425 г.) с одноименным названием, сообщает некоторые подробности этого дела: «Они (Сары-Буга и Адил-шах. – *К.У.*), собрав свои народы – джалаирав и кыпчаков, направились к Самарканду и начали осаду городских укреплений... Амирзаде Джахангир одолел неприятелей. Они, бежав, ушли в Дашт-и Кыпчак, укрылись у Урус-хана и стали мулазимами того двора. Тимур... разделив между эмирами улус

джалаиоров, развеял (его) и разбросал... Адил-шах и Сары-Буга находились на службе у Урус-хана. В конце концов, у них забились жила злобы и порока, и, когда Урус-хан уехал на летовье, они, решив бежать, извлекли меч предательства из ножен вероломства, сразились с Учи-бием, уполномоченным хана, и, убив его, бежали оттуда, ушли в Улус Джете к Камар ад-дину, и начали побуждать его к смуте и восстанию» [Йазди 1973, с. 132].

По сведениям Шами, Адил-шах и Сары-Буга «повели войска и разбили Урус-хана» [Шами 1973, с. 104]. Надо полагать, это был какой-то из отрядов армии Урус-хана, так как факт поражения самого хана Ак-Орды не находит подтверждения в других источниках. Уточнение Йазди о битве с уполномоченным хана Учи-бием лишь подтверждает это.

В результате восставшие, не найдя поддержки у сильного к тому времени правителя Ак-Орды, Урус-хана, бежали к дуглатскому эмиру Камар ад-дину, который уже продолжительное время вел борьбу с Тимуром. В местности Санлага-ий Йагач¹⁴ к Камар ад-дину,

¹⁴ Речь идет об известной по тимуридским источникам местности *Секиз-ягач* (*Сегизагач*? букв.: *восемь деревьев*; по смыслу: *многолесье* (по аналогии с Жетысу – *многогоречье*, а не *семиречье*) в Приисыккулье. Кыргызский востоковед О.Караев считает, что название местности должно писаться как *Сангиз-Йагач* / *Сансыз-Йагач* – *бесчисленные деревья* [Караев 1995, с. 55]. Эта местность неоднократно упоминается в средневековых тимуридских источниках в связи с походами амира Тимура в Могулистан против Камар ад-дина дуглата: у Шами, Йазди и Самарканди в форме *Санкиз-Йагач*, *Сангиз-Йагач*, у Натанзи – *Сангир-Йагач* и даже *Санлага-ий Йагач* (все по транскрипции О.Ф. Акимушкина) [Шами 1973, с. 103, 105; Йазди 1973, с. 130, 133; Самарканди 1973, с. 154; Натанзи 1973, с. 120, 123]. К. А. Пищулина транскрибирует написание у Шами в форме *Сегиз-Игач* [Пищулина 1977, с. 64]. Данная транскрипция в форме *игач* / *йигач* допускает и другой перевод. В сочинении Захир ад-дина Бабура «Бабур-наме» многократно используется термин *йигач*, как мера длины. Согласно Е.А. Давидович *йигач* равен *фарсаху* [Хинц, Давидович 1970, с. 117, 120]. В таком случае перевод может быть таким - *восемь игачей* / *йигачей* или местность, расстояние до которой равно *восьми игачам* / *йигачам*. По мнению казахстанского географа А.П. Горбунова, этот термин использован в образовании названия современного *Узынагаша*, аула в Алматинской области [Горбунов 2006, с. 99–100]. Такие топонимы встречаются и в других регионах. По сообщению Хафиз Таныша, автора «Шараф-наме-йи шахи» (конец XVI в.), узбекский Абдаллах-хан весной 1579 г. останавливался в местности Беш-Йигач, в районе реки Сарысу [Хафиз Таныш 1969, с. 248, 537: прим. 23].

уходившему от преследования Тимура, присоединились Адил-шах и Сары-Буга, и, как далее сообщает Натанзи, «они еще раз про-тывустали (Тимуру)» [Натанзи 1973, с. 122–123].

Урус-хан, активно действовавший на западе своих владений и только что вернувшийся с успешного похода против сарайских временщиков, не использовал возможность начать войну с Тимуром. Последний, в свою очередь, не потребовал выдать ему мятежников. Ни Тимур, который только еще набирал силу и очевидно не решался пока выступить против Урус-хана, ни сам Урус-хан, по всей видимости, не желавший начинать новой войны, не пошли на обо-стрение отношений.

Сары-Буга и Адил-шах, надеявшиеся на поддержку Урус-хана, не только не нашли ее, но и оказались там под стражей. На нежелание Урус-хана поддерживать восставших прямо указывает Абд ар-раззак Самарканди: «Они (Адил-шах и Сары-Буга. – К.У.) обратились в бегство и укрылись при дворе Урус-хана. Но *не найдя там благорасположения* (курсив мой. – К.У.), отправились в Могулистан...» [Самарканди 1973, с. 153].

Этот факт позволяет еще раз подтвердить высказанный ранее тезис о том, что внешняя политика Урус-хана в этом направлении не преследовала каких-либо завоевательных целей. Походы против золотоордынских ханов, как отмечалось выше, имели целью обезопасить западные рубежи страны и включить города левобережья Нижней Волги в состав Ак-Орды. Южные пределы державы Урус-хана в период его правления (1360–1370-е гг.), включали в себя все основные города присырдарьинского региона (условно их можно очертить дугой от Сыгнака, через Сауран, Яссы, Отрар до Сайрама и вверх к Таразу) и начинать военные действия в этом направлении не было необходимости.

Дальнейшее развитие военного противостояния между Урус-ханом и Тимуром связано с активизацией действий царевича Токтамыша.

Сын казненного мангышлакского правителя (хакима) Туй-ходжа-оглана Токтамыш не нашел себе применения при дворе Урус-хана. Являвшийся сыном противника Урус-хана, он, конечно же, не мог рассчитывать на свое утерянное наследство. Стремление вернуть себе свой улус, а возможно и желание захватить ханский трон заставляло молодого царевича искать пути их реализации. Он неоднократно убегал из Ак-Орды Урус-хана, но, не добившись никаких

результатов, возвращался обратно. Учитывая его несовершеннолетний возраст, ему прощали подобное поведение [Натанзи 2004, с. 77]. Однако, у окружения Урус-хана не могло не вызывать недовольства такое поведение молодого Джучида. Это, надо полагать, и вызвало определенные интриги среди сторонников Урус-хана, направленные против Токтамышша. В результате, после того как Урус-хан «завладел тронном Узбека и подчинил себе все эти страны, Токтамыш снова бежал и нашел покровительство у Его Величества Султан-Гази (Тимура. – *К.У.*)» [Натанзи 2004, с. 77].

О причинах, вынудивших Токтамышша вновь бежать из Ак-Орды, на этот раз уже в Мавераннахр, к «его величеству – султану воителю за веру», говорит первый придворный историк Тимура Низами ад-дин Шами: «Токтамышш-оглан, убоявшись группы людей, которые замыслили по отношению к нему вероломство, обратил лицо ко двору Тимура» [Шами 1941, с. 106]. По мнению Шараф ад-дина Али Йазди, второго официального историографа Тимура и Тимуридов, Токтамышш «усомнился» в Урус-хане и «обратил лицо надежды ко двору убежища мира (т.е. к Тимуру)» [Йазди 1941, с. 146].

Возможно, Токтамышш в отсутствие Урус-хана, предпринимал попытки военного захвата власти. Об этом вскользь говорит Абд ар-раззак Самарканди: Когда Тимур возвращался из своего пятого похода против могулов Могулистана (Джете) к нему пришло известие из Сыгнака, «что Бек-Пулад сразился с Токтамышш-ханом (хан? – *К.У.*) и что Токтамышш, ища убежища у его величества (Тимура), находится вблизи» [Самарканди 1941, с. 91].

Тимуридские историографы красочно описывают помпезность приема Токтамышша Тимуром, благородство и щедрость самаркандского правителя. Как свидетельствует Натанзи: «Когда Токтамышш прибыл к величайшему двору, Тимур приложил неопишуемые старания в оказании ему почета, вроде того, что на первом же приеме он пожаловал (ему) сразу (множество) царских палаток и украшений вместе с верховыми животными и одеждами. Он назначил ему юрту выше собственной палатки» [Натанзи 1941, с. 135; Натанзи 2004, с. 307]. Этого Тимуру показалось мало и, как сообщает Али Йазди: «В знак же крайнего своего уважения и расположения он назвал его сыном» [Йазди 1941, с. 147].

Несомненно, что рассказ об имевшем место в действительности пышном приеме Токтамышша при дворе Тимура, был разбавлен тимуридскими историографами изрядным количеством вымысла с

той целью, чтобы показать не только прекрасные качества Тимура, но и последующую неблагодарность мангышлакского царевича. Ведь только при помощи и «милости» Тимура Токтамыш добыл себе «величие и возвышение» в Улусе Джучи [Йазди 1941, с. 151].

А пока мятежный джучидский оглан со своими сторонниками ничего этого не достиг, он ждал поддержки среднеазиатского правителя. Последний, выслушав его, соизволил, как пишет Натанзи, отдать приказ, чтобы именем Токтамыша украсили грамоту на управление Туркестаном [Натанзи 1941, с. 135; Натанзи 2004, с. 307]. Здесь имеется ввиду присырдарьинский регион с его городами. По сообщению Шами, Тимур «пожаловал ему область Отрара и Саурана» [Шами 1941, с. 106], а Йазди называет «всю область Сабрана и Сыгнака» [Йазди 1941, с. 147]. Несколько позже другой тимуридский историограф Абд ар-раззак Самарканди уточнил: «назначил ему на расходы налог (мал) с области Отрара и Саурана (вилаят-и Отрар ва Сауран)» [Самарканди 1941, с. 147].

Все эти города Токтамышу еще предстояло завоевать, так как они принадлежали не Тимуру, а Урус-хану, а во владениях последнего – Ак-Орте, грамота Тимура, какой бы красивой она ни была и какие бы города там не перечислялись, не имела, как справедливо заметил А.Ю. Якубовский, никакой силы [Греков, Якубовский 1950, с. 318].

Получив «желаемое», Токтамыш отправился на завоевание городов Туркестана. Узнав о его прибытии в «столицу Сауран», Урус-хан тотчас послал против него своего сына Кутлук-Бука-оглана с войском [Натанзи 1941, с. 135; Йазди 1941, с. 147]. Сын падишаха Урус-хана Узбекского (падишах-и Урус-хан узбеки) Кутлук-Бука много сражался с отрядами Токтамыша. В одной из битв стрела попала ханскому сыну в глаз, и он умер. Но смерть Кутлук-Буки «только подняла боевой пыл ак-ордынского войска, и Токтамыш был разбит» [Греков, Якубовский 1950, с. 318]. «Токтамыш от страха перед этим страшным судом (бежал и) не останавливался до (самого) Самарканда» [Натанзи 1941, с. 135].

Токтамышу удалось уйти. Вернувшись к Тимуру, он снова получил войско, и выступил в поход.

Смерть сына вызвала гнев Урус-хана. Он отправил другого своего сына Токтакию в сопровождении Али-бека, других царевичей и знатных эмиров во главе войска и приказал отомстить за смерть

Кутлук-Буки и уничтожить Токтамыша [Натанзи 1941, с. 135; Шами 1941, с. 106; Йазди 1941, с. 147].

В произошедшем сражении ак-ордынское войско прижало войско противника к реке Чир (правый приток реки Сырдарья) и заставило его бежать. Токтамыш во второй раз, бросив свои отряды на произвол судьбы, «добрался до какого-то угла и обратился в бегство» [Натанзи 1941, с. 135].

Однако его бегство было не таким удачным как в первый раз. Выполняя приказ своего хана, «Каранчи-бахадур, который был главным столпом войска Урус-хана, следил за ним (Токтамышем) и с полным старанием стал преследовать (его)» [Натанзи 1941, с. 135]. Потерявший лошадь Токтамыш, оставив кольчугу, одежду и колчан, бросился в реку. Каранчи-бахадур ранил переплывавшего реку Токтамыша стрелой, «пробивающей камень», но ему все равно удалось уйти, он «выбрался на берег и из-за боли раны и силы холода укрылся мусором и потерял сознание» [Натанзи 1941, с. 135]. Три дня конница Токтакии облавой на протяжении одного фарсаха искала Токтамыша, но «не найдя, они, потеряв надежду, ушли обратно» [Натанзи 1941, с. 135–136]. Токтамыша нашел даруга (правитель) Сайрама и родственник Тимура барлас Едиге, недавно прибывший туда, чтобы наставить Токтамыша на путь мужества и храбрости. Он опоздал и нашел Токтамыша, полуживого со слабым дыханием, в зарослях, недалеко от места битвы. В Бухаре, у Тимура, куда был доставлен Токтамыш, он пришел в себя и был готов вновь выступить в поход [Натанзи 1941, с. 136; Шами 1941, с. 107].

Надо полагать, что весть о том, что Токтамыш выжил и находится у Тимура, стала сразу известна Урус-хану.

Бежавший от Урус-хана Идегей-мангыт, один из эмиров Улуса Джучи, впоследствии известный временщик в Золотой Орде, произвольно сажавший и убиравший золотоордынских ханов, принес известие, что Урус-хан, собрав войска, идет в этом направлении и ищет Токтамыша. После того, как Тимур получил это известие, к нему прибыли послы Урус-хана Кебек-мангыт и Тулуджан во главе ста всадников и передали короткое и ясное требование своего хана: «Токтамыш убил моего сына и пришел в вашу область. Выдайте мне моего врага, если же нет, то приготовьте место боя» [Шами 1941, с. 107].

Другая, не тимуридская, историографическая традиция, получившая отражение в труде Натанзи, вкладывает в уста послов сле-

дующее, более красочное и более свойственное кочевникам, требование хана: «Раненая лань скрылась из облавы нашей охоты в Ваши страны. Если вы выдадите (ее), то ладно, а если нет, то от пределов океана и... до границ Сыгнака придут в движение все войска Дашт-и Кыпчака, пусть они (т.е. чагатайцы) назначат место встречи» [Натанзи 1941, с. 136]. Согласно историографам Тимура и его потомков, самаркандский владыка дал грозный ответ послам хана. Однако, его ответ, приведенный во всех сочинениях, имея одинаковую суть, изложен совершенно различно: «Где в законе мужества и обычае обладателей державы допускается выдавать врагу человека, который ищет у какой-нибудь державы убежища; это из числа невозможных¹⁵ вещей. Если же, что весьма вероятно, по этому поводу возникнут распри, то поневоле следует быть готовым к войне» [Шаами 1941, с. 107]; «Он (Токтамыш) нашел себе у меня убежище, я его не выдам» [Йазди 1941, с. 148]; «От крайней энергии Тимур вскипел, дал грозный вызов, чтобы от края Кандахара до границы Хотана все войска, конные и пешие, собрались к определенному сроку, и направился дать отпор врагу» (т.е. Урус-хану – К.У.) [Натанзи 1941, с. 136].

Действительно ли Тимур ответил столь открыто враждебно?

В «Уложении Тимура», авторство над которым продолжают приписывать Тимуру, сообщаются оригинальные данные о посольстве Урус-хана. Надо полагать, что эти и некоторые другие факты, приводимые в «Уложении», могли быть компилированы на основе более ранних, не дошедших до нас, источников [Пищулина 1977, с. 49].

Здесь в разделе «План для устранения Урус-хана и завоевания Дашт-и Кыпчака» говорится о «благоклонном» отношении Тимура к послу, которому он ничего конкретно не ответил. Автор «Уложения» не назвал имя посла и целей его приезда, но тимуридские хроникеры Шаами, затем Натанзи и Йазди, упоминают только об одном посольстве Урус-хана. Об этом посольстве говорилось выше, во главе его стоял Кебек.

Современные исследователи полагают, что посольство, о котором идет речь в «Уложении», прибыло к Тимуру немного позднее, накануне военных действий [Исин 1999, с. 38]. Однако, оснований полагать, что это было второе посольство и что вообще оно было, нет.

¹⁵ Другой вариант: «из числа постыдных».

Приведем текст из «Уложения Тимура», касающийся этого посольства: «Токтамыш-хан в борьбе за ханство потерпел поражение от Урус-хана и нашел приют у меня. В то время, когда я размышлял над тем, пойти ли мне с Токтамыш-ханом или послать с ним войска, прибыл посол Урус-хана. Посоветовавшись, я решил расположить к себе посла, затем отпустить его (с миром), а вслед за ним послать войска в сторону Дашт-и Кыпчака, дабы посол спокойно изложил хану (о своей поездке), и Урус-хан будет пребывать в неведении, а на другой день войско мое внезапно нападет на него» [Уложение 1999, с. 54].

Обстоятельства прибытия посла ко двору Тимура, обрисованные в «Уложении» позволяют предположить, что здесь речь идет именно о посольстве, возглавляемом Кебек-мангытом. А приведенные выше, гневные слова, якобы сказанные Тимуром послу, следует считать очередным искажением фактов, столь характерным для тенденциозной тимуридской историографии.

Влияние сочинений этого круга на последующую историческую мысль было столь велико, что даже «проурусовская» «Тарих-и Му-ким-хани» Мухаммада Юсуф Мунши изложила «События из жизни Урус-хана» в «протимуровском» духе.

Следует отметить, что Юсуф Мунши, довольно смутно представлявший себе события тех лет, говорит о двух посольствах. «Урус-хан, услышав об этом отравляющем жизнь известии (смерти сына. – К.У.), послал к Амиру Тимуру посла, требуя выдачи Токтамыша за кровь своего сына. Обладатель счастья, т.е. Тимур, нашел это несовместимым с благородством. Урус-хан возмутился, дыша злобой, послал другого посла. Ответ последнему был дан (Тимуром) такой: «Иди и скажи от меня Урус-хану: “Не пугай дождем речную птицу!”» [Юсуф 1956, с. 72].

Таким образом, первый период взаимоотношений Урус-хана с Тимуром, ознаменовавшийся скрытой военной конфронтацией сторон, привел к открытому конфликту. Переговорный процесс зашел в тупик. Стороны перешли к военным действиям.

Отправив с миром послов Урус-хана, Тимур «обратил высочайший помысел на снаряжение и устройство войска» [Шахи 1941, с. 107; Йазди 1941, с. 148]. По сообщению Али Йазди, «собрав весь улус Чагатайский, он в конце того же года дракона (1376 г.) двинулся на Урус-хана» [Йазди 1941, с. 148].

Тимуридские историки единодушны в том, что войска Тимура, перейдя Сырдарью (Сейхун), расположились в отрарской степи. Надо полагать, что чагатайцы форсировали еще один водный рубеж – реку Арыс, так как Отрар располагался на ее правом берегу, недалеко от слияния с Сырдарьей. Однако Отрар и его ближайшая округа, по всей видимости, не были заняты войском Тимура. Об этом говорит дальнейший ход военно-политических событий.

Местом расположения войск Ак-Орды Шами и Али Йазди называют Сыгнак: «Урус-хан, собрав весь улус Джучи, остановился, дойдя до Сыгнака, от которого до Отрара 24 фарсаха» [Йазди 1941, с. 148; Шами 1941, с. 107]. В самостоятельной редакции истории Тимура, составленной Натанзи, говорится, что Урус-хан со своим войском расположился в Сауране и расстояние между двумя войсками составляло, приблизительно, семь фарсахов [Натанзи 1941, с. 136].

Один фарсах составляет от 5,6 до 8,5 км, в первом случае войска противников разделяло расстояние в 134,4 или 204 км, во втором – 39,2 или 59,5 км.¹⁶ С учетом того, что впоследствии между передовыми и разведотрядами противников постоянно происходили стычки, необходимо признать версию Натанзи более реальной и соответствующей действительности.

Расположившись на расстоянии полсотни километров друг от друга противники «заялись приготовлениями к сражению» [Натанзи 1941, с. 136]. Но генерального сражения между Урус-ханом и Тимуром не произошло. В ход событий вмешалась природа. Холод, снег и дождь наступившие, по свидетельству тимуридских хроникеров, в ту же ночь [Шами 1941, с. 107], отложили начало боевых действий. Из-за непогоды войска Тимура испытывают серьезные трудности: начавшийся ураган не оставил на месте ни одной палатки и шатра [Натанзи 1941, с. 136]; заледеневший снег лишил естественных кормов лошадей, в результате этого, потеряв более 10–15 тысяч коней, большая часть конного войска осталась пешей [Натанзи 1941, с. 137]. Это лишило войска Тимура мобильности, без которой вести войну с кочевниками было бесполезно. К этому добавился начавшийся в войске Тимура, голод. Для пополнения запасов войска, Тимур посылает своих полководцев – двух бахадуров, Ак-Тимура и

¹⁶ Как полагает Е.А. Давидович в Мавераннахре, возможно, существовало два вида *фарсаха*: 12 000 шагов (около 8,5 км или больше) и 9000 шагов (около 5,6 км или больше) [Хинц, Давидович 1970, с. 72, 120].

эмира Алладада, в Отрар добывать провиант (в тексте употреблено слово тагар – принудительно взимаемый провиант для войска) [Натанзи 1941, с. 241]. Здесь Ак-Тимур в окрестностях Отрара столкнулся с разведотрядом ак-ордынских войск, во главе которого были «самые выдающиеся узбекские бахадурь» Улуг-Саткин и Кичик-Саткин [Натанзи 1941, с. 136; Йазди 1941, с. 148–149].

В произошедшей битве отряд Ак-Тимура вынужден был отступить и укрыться за стенами Отрара. «Узбекские»¹⁷ бахадурь, почувствовав свое превосходство, не ушли и, ворвавшись в город, продолжили сражение «среди улиц и садов» Отрара. Однако, если справедливо утверждение тимуридских историографов, кочевники не выдержали уличного боя и потерпели поражение. Большой части отряда удалось уйти через «овраги и арыки» на своих лошадях [Натанзи 1941, с. 136–137; Йазди 1941, с. 149]. Но при этом разведчики потеряли обоих своих предводителей. Кичик-Саткин был убит Кепекчи-юртчием, племянником Ак-Тимура, а Улуг-Саткина, Хиндушах взял в плен. Пленник, отправленный ко двору Тимура, сообщил, что Урус-хан бежал и оставил вместо себя Кара-Кисека. Так сообщает об этом Али Йазди, искаживший в своем рассказе реальный ход событий. Отряды Тимура, по изложению Али Йазди, постоянно обращали неприятелей в бегство, сокрушали их и, «как обычно, одерживали победы» и т.д. [Йазди 1941, с. 148].

Несколько иначе изложены эти события в «Мунтахаб аттаварих». Посланные Тимуром Мухаммад-Султаншах и Мубашшир разведкой в лагерь врагов не смогли выяснить «ничего заслуживающего доверия». В это же время «Урус-хан из-за сильного холода ушел обратно и заместителем своим оставил Кара-Кисек-оглана». Именно последним были посланы узбекские бахадурь в Отрар, где они столкнулись с Ак-Тимур-бахадуром. Пленные в этой стычке воины армии Урус-хана сообщили Тимурь, что сын хана Тимур-Ма-

¹⁷ Начиная с этого времени, в источниках тимуридского круга, кочевое население Ак-Орды именуется *узбеками*. Эта традиция настолько укрепилась, что и впоследствии в периоды правлений Ордаида Барака и Шибанида Абулхаира их подданных продолжали именовать *узбеками*, а страну *Узбекским Улусом* или *Узбекистаном*. Впоследствии, под влиянием этой же традиции, данный «политоним» применяется Кадыргали бием при обозначении кочевников Восточного Дашт-и Кыпчака.

лик-оглан с одним туменом (10 000 человек) войск¹⁸ расположился в двух фарсах от Саурана.

Стремясь застигнуть этот отряд противника врасплох, Тимур отправляет Ярлык-Тимура, Мухаммад-Султаншаха и Хитай-бахадур в главе войска¹⁹ в ночной набег.

Однако, или пленники дезинформировали чагатайцев, или сработала разведка ак-ордынцев, но войско Урус-хана ждало противников. В произошедшем сражении тимуридское войско, надо полагать, потерпело поражение, и было вынуждено отступить. Конечно же, авторы хроник Тимура не могли об этом говорить, но за них говорят факты. Двое из трех эмиров Тимура были убиты. «Во время стычек стрела попала в сонную артерию Хитай-бахадур и он тотчас отдал душу. Вслед за ним Ярлык-Тимур также был вдруг убит».

Ак-ордынское войско также понесло потери, сам Тимур-Малик-оглан был ранен стрелой Илчи-Бука-бахадур в бедро.

Несмотря на потери, «победоносное войско» Тимура, по сообщению его хроникеров, якобы, обратило врагов в бегство, а оставшийся в живых Мухаммад-Султаншах лишь «по желанию сердца и ума, вернулся обратно» [Натанзи 1941, с. 137]. Таким образом, потеряв эмира Ярлык-Тимура и Хитай-бахадур, убитых «в борьбе с действием дурного глаза», «победоносное войско с победой и торжеством вернулось обратно» [Йазди 1941, с. 148]. После этого основные силы Тимура отступили вместе со своим верховным главнокомандующим в направлении города Кеш.

Очередная военная кампания Тимура против правителя Восточного Дашт-и Кыпчака Урус-хана, как и предшествовавшие ей акции, не принесла ожидаемого результата. Более того, Тимур не выполнил ни одной предполагаемой задачи. Войска Урус-хана, по-прежнему, были готовы к защите своих рубежей, а креатура Тимура

¹⁸ Шами и Али Йазди называли цифру не десять, а более трех тысяч человек [Шами 1941, с. 137; Йазди 1941, с. 148].

¹⁹ По мнению Натанзи и авторов двух «Зафар-наме» численность их отряда составляла пятьсот человек. При этом Натанзи уточнил, что из лагеря Тимура с ними (Ярлык-Тимуром, Мухаммадом и Кытаем) выступило лишь триста конных воинов, а остальные двести человек из Саурана (очевидно, пришедшие к Тимуру из этого города, так как сам город находился в ведении Урус-хана) присоединились к этим эмирам. Но зная о численности войск противника, было бы непредусмотрительно со стороны Тимура отправлять такой маленький отряд. На самом деле, здесь имеет место обычное искажение фактов авторами исторических сочинений тимуридского круга.

на трон Ак-Орды – Токтамыш, все еще находился при нем. По существу правитель Мавераннахра проиграл оттаро-сауранское противостояние и был вынужден уйти вглубь своей территории.

Остановившись на одну неделю в Самарканде [Натанзи 1941, с. 137] или по другим данным в Кеше [Шаами 1941, с. 108; Йазди 1941, с. 149], Тимур занялся приведением в порядок своего голодного и потрепанного войска. Его кавалерия в результате тяжелой зимы на вражеской территории также понесла существенные потери²⁰. Для ее восстановления Тимур издал приказ, чтобы привели табуны эмиров и хатуней [Натанзи 1941, с. 137].

А между тем, население Восточного Дашт-и Кыпчака без серьезных потерь изгнавшее противника со своей территории, вернулось на свои прежние кочевья, ставшие на некоторое время ареной военных действий. «Токмакские смутьяны²¹, – пишет Натанзи, – после установления того, что войско (Тимура) удалилось, спокойно пришли обратно, и улус (их) беззаботно расположился по краям и сторонам степи» [Натанзи 1941, с. 137; Натанзи 2004, с. 310]. Иными словами – на границе с владениями Тимура.

Тимур же, в свою очередь, поспешно завершив приготовления, через неделю вновь выступил в поход, взяв с собой Токтамышша в

²⁰ Потери Тимура в этой военной кампании были столь ощутимы, что он еще долго не мог забыть холодную зиму 1376–1377 г. Много лет спустя, в 793 г.х. (1391 г.), в разгар войны Тимура с Токтамышем от имени последнего к правителю Мавераннахра прибыло посольство с просьбой о мире и прощении. Эту просьбу среднеазиатский владыка со злостью и обидой отверг. В его ответной речи имеется следующий интересный момент: «Между прочим, – напоминал Тимур послам Токтамышша, – ради него я двинул войско на Урус-хана и (из-за этого) в ту зиму погибло столько лошадей, солдат, имущества и снаряжения» [Йазди 1941, с. 160]. Этот же отрывок в изложении Мирхонда см.: [Миргалеев 2007, с. 19].

²¹ قباکس [Натанзи 2004, с. 310]. Некоторые, особенно поздние источники, именуют территорию Восточного Дашт-и Кыпчака Токмаком. В этом значении он употреблен и в «Мунтахаб ат-таварих». На употребление этого термина указывал В.В. Бартольд [Бартольд 1963а, с. 102]. Исчерпывающие сведения источников об этом термине и историографический анализ приведены в статье И.А. Мустакимова, по мнению которого в XV в. этот термин имел отрицательное значение с уничижительной коннотацией и использовался историками Мавераннахра для обозначения Восточного Дашт-и Кыпчака, его жителей, и войска [Мустакимов 2011, с. 283–287].

качестве *гачарчи*²². Через две недели он достиг местности Джайран-Камыш, где находились люди (улус) Урус-хана. Дальнейшие события в сочинениях личных историографов Тимура и его преемников получили очень краткое воспроизведение с неизменным сопровождением победных реляций: «...победоносное войско ограбило их и добыло бесконечное и бесчисленное имущество» [Шама 1941, с. 108]. Тимур «взял столько пленных и добычи, что счетчик ума не может сосчитать их» [Натанзи 1941, с. 137]. Среди добычи назывались лошади, верблюды, овцы и пленные [Йазди 1941, с. 149].

В это же время среднеазиатцы получили информацию о том, что их главный противник – Урус-хан умер, а на его место был назначен его старший сын Токтакия. В подобной ситуации логично было бы ожидать от Тимура дальнейшего развития своей пограничной победы. Однако, он тут же вернулся назад, в Самарканд, а на границе своих владений – в Южной Присырдарье оставил Токтамыша, подарив ему коня по имени Хынк-оглан [Шама 1941, с. 108; Йазди 1941, с. 149; Натанзи 1941, с. 137]. Столь скорое возвращение правителя Мавераннахра и, последовавшее затем очередное разгромное поражение Токтамыша, заставляют по иному посмотреть на результаты военной кампании Тимура весны 1377 г.

Токтамыш, осколок прежнего сепаратизма Тукай-Тимуридов, не смирившийся с потерей отцовского улуса и претендовавший не только на возвращение своего наследства, но и на верховный акордынский трон, своей не самой дальновидной военно-политической деятельностью положил начало концу не только Ак-Орды, но и всего Улуса Джучи. Он оказался в плену не только своих устремлений, но и политических амбиций своего окружения – беков и эмиров кочевых племен.

Токтамыш, а по существу Тимур, оказавший ему военную и материальную поддержку, не достиг успеха в борьбе за власть в государстве Урус-хана. Имевший место последующий успех Токтамыша (после смерти Урус-хана) объясняется не его личными качествами, а всесторонней помощью Аксак Тимура с одной стороны, и сложившейся внутривосточной ситуацией, как в Восточном Дашт-и Кыпчаке при преемниках Урус-хана, так и в соседней Золотой Орде, ослабленной двадцатилетней смутой, – с другой. Последовавшая

²² *Гачарчи/гаджарчи, галавоз* – проводник, человек, хорошо знающий местность, провожатый [Ахмедов 1993, с. 10].

преждевременная смерть Урус-хана была на руку не только Токтамышу, но и его патрону Тимуру, который в принципе, как мы могли это видеть, избегал открытого военного столкновения с ак-ордынским ханом. Тяжелые и неоднократные военные поражения сначала Токтамыша, а затем и самого Тимура и его полководцев, сопровождавшие их в борьбе с Урус-ханом, надолго остались в исторической памяти. И даже спустя почти три столетия в XVII в. «страшное поражение» аштарханидского войска Имамкули-хана в битве с казаками Турсун-Мухаммад-хана источник этого времени «сравнивает с поражением, когда-то нанесенным Урус-ханом войску Эмира Тимура» [Юдин 2001, с. 51; Баранова 2001, с. 236].